

УДК 82-31

МЕТАФОРИКА РОМАНА А. ДРАГОМОЩЕНКО «ФОСФОР»

Шиповская А. К.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, г. Самара

Реальность и человек находятся в очень сложных взаимоотношениях, и динамика их развития зависит от движения человеческой мысли, в свою очередь трансформирующей реальность. Отсюда следует, что и язык должен меняться, чтобы мышление человека было адекватно реальности и наоборот.

Работа посвящена развитию поэтической метафорики в прозе Аркадия Драгомощенко. Он принадлежит к так называемым «сложным поэтам», и именно в его творчестве сконцентрированы основные проблемы современной литературы. Рассматриваемый здесь роман «Фосфор» является иллюстрацией конвергенции поэтического и прозаического. Более чёткое понимание смысловых особенностей метафорики А. Драгомощенко может быть достигнуто при помощи классификации используемых им метафор, включающей в себя интерпретацию наиболее интересных из них.

В работе предлагается рассмотреть следующие типы индивидуально-авторских метафор: 1. «Структурные метафоры» – метафоры, представляющие перед нами определенное внутреннее строение явления, предмета или действия. 2. Метафоры, раскрывающие состояние объекта. 3. Метафоры, выявляющие субъектно-объектные отношения.

К первому типу метафор относятся такие сочетания, как «дно зрачка», «гроздь кислорода», «гортань города», «кромка слова», «пружины страстей», «экономика раковины», «орнамент знания», «волокна слабости» и т.д. В случае с «экономикой раковины» мы имеем дело с типичной для Драгомощенко метафорикой. В поэтике данного автора раковина играет одну из ключевых онтологических ролей. Раковина также имеет прямое отношение к другим ключевым поэтическим понятиям – к турбулентности, завихрению, в которых Драгомощенко видит ретроактивное пространство, где время разворачивается нелинейно и позволяет проследивать повторения и идентичности событий и вещей. Для ретроактивного пространства характерно продолжение одного хронологического этапа в другом. Также раковина связана с морем как с органической совокупностью биоса, первоначала, возобновления и рождения. Экономика же здесь выступает как организация внутренних ресурсов, принадлежащих раковине. Также можно трактовать экономику как отсутствие в структуре определённого объекта лишнего. Таким образом, зная контекст словоупотребления, мы можем дешифровать наиболее близкое к заданному автором значение.

Первый тип метафор представлен в основном субстантивами и претендует на наибольшую частотность в романе Драгомощенко «Фосфор» и в других его произведениях.

Второй тип метафор может быть представлен следующим рядом сочетаний: «спящая нефть», «монотонная стена», «ледяная подкова», «слепой ветер зимы» и т.д. «Спящая нефть» приобретает необходимый смысл только после замечания, касающегося концептосферы сна в творчестве поэта. Сон, оказываясь фрактальной единицей («сон, снящийся сну [об осоке и отлогих берегах в низине]») альтернативного когнитивного пространства, выступает как дополнительная реальность, причем обладающая способностью репродукции других реальностей. Нефть же

актуализируется в качестве топлива, которое мыслится в идентичной форме в этой альтернативной реальности, следовательно, в метафоре «спящая нефть» доказывается жизнеспособность иного пространства. Однако нельзя не заметить аллюзию на достаточно известную языковую метафору – «спящий вулкан». «Нефть», в отличие от вулкана, не имеет непосредственной потенциальной семы разрушения, но чрезвычайные ситуации, идентичные извержению вулкана, возможны с продуктами нефтепереработки (бензин).

Третий тип метафоры может быть представлен следующими сочетаниями: «распадается ночь на росу, тени и бледный блеск», «кукла вбита в другую куклу по горло, по гениталии», «обжигающая небо холодным уколом звезда», «полынь прорастала во рты» и т.д.

«Полынь прорастала во рты», – говорит Драгомощенко об акте номинации либо произнесения. Ключевая особенность поэтики Драгомощенко – это деавтоматизация речи и предельное внимание к языку и языковым фактам. Схватывание биологического роста определенного растения языком отражается в данной метафоре весьма полноценно. Причем здесь подчеркивается вторичность языка по отношению к реалиям – полынь прорастает не изо ртов, но во рты; процесс роста способствует в данном смысле процессу смыслообразования. Не язык оказывается здесь субъектом, но реалия, наделенная волей и динамичностью.

Третий тип переносов, связанный с взаимодействием объекта и объекта, субъекта и объекта, представляется фразовыми и глагольными метафорами.

Вне классификации находятся такие метафоры, как, например, «картезианская грамматика пейзажа» и «перспектива отрицательных чисел-богов Прокла». Это связано с невозможностью «уместить» в конкретное выражение смысл данных метафор и воплощаемый в них образ. Рассмотрим данный тип на примере первой метафоры.

«Картезианская грамматика пейзажа» дается нам в следующем контексте: «Картезианская грамматика пейзажа - имя входит в податливую сердцевину вещи. День как бы издалека. "Состарившиеся ранее в кругах юга листья платанов... Хотя нет никакого секрета в том, как они выглядят в октябре...» [1]. Грамматика – это раздел языкознания, изучающий строй языка, закономерности построения правильных осмысленных речевых выражений. Пейзаж – это либо реальный природный вид, либо его изображение. В контексте творчества Драгомощенко позволю себе определить, что здесь пейзаж выступает как синоним понятия «природа». Итак, «грамматика пейзажа» – это, иными словами, законы природы, законы функционирования флоры и фауны. «Картезианство» здесь предполагает строгий анализ и синтез, ведущие к абсолютно достоверной и логически непоколебимой истине. Но Драгомощенко выражает сомнение в наших представлениях о заданных структурах, схожих с грамматикой, предлагая вариативность как стратегию мышления.

Так, на основании предложенной мной классификации мы приходим к тому, что метафора перестаёт иметь исключительно сравнительный характер и становится полем взаимодействия реалий. Именно здесь и важно провести черту между метафорой и её «дочерним» тропом – метаболой. М.Н.Эпштейн объясняет разницу между ними следующим образом: «Метабола (metabole, от греч. metabole, переброс, поворот, переход, перемещение, изменение) - тип художественного образа, передающий взаимопричастность, взаимопревращаемость явлений; одна из разновидностей тропа, наряду с метафорой и метонимией <...> Метафора чётко делит мир на сравниваемое и сравниваемое, на отображаемую действительность и способ отображения <...> Метабола - это целостный образ, не делимый надвое, но открывающий в себе несколько измерений» [2].

Таким образом, на языковом уровне поэтика отношений Драгомощенко выражается при помощи метабола, которая, разумеется, не ограничивается значениями, рассмотренными в данной классификации. Каждый прецедент использования метабола «вскрывает» новый зазор в реальности, уникальный случай взаимодействия, взаимопревращения и взаимоуподобления, что позволяет переконструированию реальности в сознании человека.

Библиографический список

1. Драгомощенко, А. Фосфор [Текст] / А. Драгомощенко. СПб.: Северо-Запад, 1994. – 286с.
2. Эпштейн, М. Метабола [Текст] / М. Эпштейн // Проективный философский словарь. СПб.: Алетейя, 2003. С. 214—217.